

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4292.

Воскресенье, 24го Мая 1898 г.

№ 4292.

ЖЕРТВА

РАЗСКАЗЪ Б. КРОКЕРА

(съ англійскаго).

(Окончаніе*).

Дни шли за днями, а мы были такъ же далеки отъ цѣли, какъ въ первый день. Наша попытка

никому изъ насъ не довелось видѣть тигра хотя бы издали. Альби становился нетерпѣливъ и раздражителенъ. Нудно, нашъ главный туземный проводникъ и помощникъ, исчерпалъ, казалось, весь запасъ своихъ хитростей. Джонсъ потерялъ всякую надежду на славу и отказался отъ какой бы то ни было дальнейшей борьбы съ неблагоприятною судьбою.

глядя въ огонь—его можно приманить только на одну приманку.

— На какую? спросилъ я.

— На человѣческую приманку, — былъ спокойный отвѣтъ, — на живого мужчину или, еще скорѣе, на женщину! Но такой приманки мы дать не можемъ.

— Нѣтъ, можемъ!... раздался въ отвѣтъ

Памяти великаго критика ВИССАРІОНА ГРИГОРЬЕВИЧА БѢЛИНСКАГО (по случаю 50-тилѣтія со дня кончины)
1848 г. — 26 мая — 1898 г.

Автоминія „Одес. Нов.“.

оказывалась такой же безуспѣшной, какъ и многочисленныя попытки тѣхъ нашихъ предшественниковъ салбовъ, о которыхъ говорили намъ туземцы. Несмотря на жирнаго теленка, возлѣ котораго мы проспивали въ засадѣ почти каждую ночь, отъ заката до восхода солнца,

Разъ вечеромъ, — это было за два дня до окончанія нашего отпуска, — мы всѣ сидѣли на площадкѣ деревни, вокругъ большого ярко горѣвшаго костра. Съ нами былъ и староста, и почти всѣ обитатели деревни, съ женами и грудными дѣтьми.

— Нѣтъ, — проговорилъ задумчиво староста,

рѣзкій громкій женскій голосъ.

Въ толпѣ произошло движеніе, и изъ нея выдвинулась высокая женская фигура, рѣзко обрисовавшаяся на яркомъ фонѣ пламени костра. Она была одѣта, какъ одѣваются здѣсь вообще женщины — въ красную короткую юбку и въ безрукавку, съ голубою вуалью на головѣ. Она

*) См. № 4285 „Одес. Нов.“.

отбросила эту вуаль теперь за спину. Со своими, распущенными по плечам, волосам, со своими черными, блестящими страшными возбужденіем, глазами, она была чудно, трагически прекрасна.

— О, вы защитники бѣднѣйшихъ и несчастныхъ,—закричала она, обращаясь къ намъ и поднимая къ небу свои красивые, обнаженные руки.

— Вотъ я тутъ передъ вами! Я готова отдать себя! Дьяволъ убилъ и мужа, и сына. Онъ убилъ больше сотни моихъ односельцевъ, и я съ радостью отдамъ свою жизнь въ отмѣну за его проклятую жизнь. Теленокъ?!—И она расхохоталась саркастическимъ смѣхомъ.—Нѣтъ! Ему не нужно нашихъ телятъ; ему нужны мы сами. Развѣ вы не знаете, что онъ больше всего любитъ женщинъ, особенно молодыхъ женщинъ. Такъ знайте, что я готова отдать себя ему, чтобъ спасти всѣхъ ихъ.

И она указала драматическимъ жестомъ на внимательную ей толпу.

— Это Сасеп, пробормотала староста.

— Сасеп — вдова Житана. Вотъ уже семь дней, какъ она сошла съ ума, бѣднѣйшая!

— Нѣтъ, отецъ мой, я не сумасшедшая!—подхватила его слова женщина.—Это Нуддо—сумасшедшій, да вдобавокъ, глупый человѣкъ. Онъ не знаетъ мѣста и водить саббовъ не туда, куда надо. Тамъ, какъ разъ подъ лѣсомъ, есть ручеекъ! Пусть тамъ сидятъ въ засаду саббы! Пусть они привяжутъ меня передъ собою къ дереву, поближе къ ручью. Я буду пѣть, буду громко пѣть, и на мое пѣнье, можетъ быть, придетъ людоедъ. Вотъ уже семь дней, какъ онъ не унесъ никого изъ нашей деревни. Онъ теперь голоденъ! Я буду пѣть и приманю его подъ руки великихъ саббовъ. Тогда всѣ наши погибшіе братья будутъ отомщены, и мое имя останется въ памяти у живыхъ: Сасеп, которая отдала свое тѣло тигру ради своихъ односельцевъ!...

Она замолчала. Всѣ взоры были обращены на нее. Она стояла неподвижно, какъ древняя пророчица, ожидая, среди мертвого молчанья, нашего отвѣта.

— Извѣстно—бабья болтовня!—проговорилъ, наконецъ, недовольнымъ тономъ староста.

— О, не говори такъ, отецъ мой, возразилъ намъ Нуддо.—Слова ея полны мудрости, и я дѣйствительно былъ великій безумецъ.—Нуддо посмотрѣлъ на Сасеп помирающимъ взоромъ. Въ умѣ его, очевидно, мелькалъ образъ обещанныхъ въ награду за убитого тигра 500 рупій.—Сасеп, дѣйствительно, могла бы приманить его. Людоеды слышали бы ея пѣнье и прискакали бы, чтобы пожать ее, какъ онъ пожатъ ея мужа и сына. Саббы убили бы его, прежде чѣмъ онъ бы успѣлъ схватить ее... А если бы и пѣть?... Что-же! Вѣдь она въ концѣ концовъ женщина, да еще и вдова,—приваивалъ онъ съ пренебрежительнымъ жестомъ.

— Нуддо! кричалъ на него взбѣшенный Альги.—Если я еще разъ услышу отъ тебя такіе слова, я убью тебя безъ всякаго сожалѣнія, какъ собаку... Воланъ! Я скорѣе тебя привяжу, какъ приманку, чѣмъ женщину, да еще вдову...

Между тѣмъ Сасеп увелъ, и эпизодъ былъ законченъ.

Наша охота и въ эту ночь была, по обыкновенію, неудачна. Привязанный къ дереву теленокъ мирно ждалъ своей участи, а впечатлительный Альги, который не могъ забыть эпизода у костра, напешивалъ мнѣ на ухо дикопрамы по адресу героизма и классической

красоты Сасеп. Подъ его шопотъ я, наконецъ, заснулъ, и тигра мы опять не дождались.

Оставалась еще одна послѣдняя ночь. Джонсъ рѣшительно отказался сопровождать насъ на эту, какъ онъ говорилъ, комедію: я съ величайшимъ удовольствіемъ послѣдовалъ бы его примѣру и остался бы въ нашей хижинѣ, если бы не Альги, который не допускалъ компромиссовъ и своею твердостью незаметно приобрьлъ на меня большое вліяніе. Надо было отказать отъ сна еще разъ и идти на бесполезное сидѣнье въ засаду.

Къ вечеру мы отправились. Но на этотъ разъ Нуддо рѣшилъ перемѣнить мѣсто засады и послатъ съ нами Сасеп. Онъ привелъ насъ къ берегу ручейка, о которомъ говорила ему Сасеп. Мѣсто было совершенно дикое; на пескѣ повсюду видѣлись слѣды гіенъ, шакаловъ и прочихъ звѣрей, сходящихся сюда на водопой.

— Мѣсто какъ будто подходящее, сказалъ Альги, съ видомъ человѣка, всю жизнь проводившаго на охотѣ за тиграми.—Но гдѣ же, однако, пашъ теленокъ? Эй, Нуддо, гдѣ наша приманка?

— Его еще пригонять... Еще много времени пройдетъ, неувѣреннымъ голосомъ отвѣчалъ Нуддо, забравшись за мною въ засаду.

Вообще, онъ велъ себя какъ-то безпокойно и странно. Его отвѣты были безсвязны, иногда совсѣмъ нелѣпы. Я началъ даже думать, что пашъ Нуддо пьянъ, тѣмъ болѣе, что отъ него сильно несло рисовой водкой.

— Будетъ чертовски скверно, если тигръ придетъ раньше, чѣмъ пригонять теленка, проговорилъ раздраженно Альги.

— Не безпокойся, господинъ, приманка будетъ здѣсь во время. Клянусь головою моего сына, будетъ. Сегодня мы убьемъ тигра, я знаю это навѣрно.

Скоро взомель мѣсяцъ и ярко освѣтилъ дикую, величественную картину.

Нуддо заснулъ, а мы съ Альги, затанувъ дыханіе, наблюдали за жизнью джунглей въ этотъ поздній вечерній часъ. Мы видѣли, какъ къ ручью подошелъ благородный старикъ-олень, за нимъ пришелъ дикій кабанъ, потомъ пришла гіена... Такъ одинъ за другимъ шли сюда на водопой обитатели здѣшнихъ лѣсовъ. Всѣ за исключеніемъ одного, именно того, ради котораго мы просиживали уже шестую безсонную ночь. Тигръ не приходилъ. А между тѣмъ онъ былъ гдѣ-то близко,—это видно было по безпокойству, которое обнаруживали приходившіе на водопой козы.

Было уже часовъ 10 ночи. Альги съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія нашего теленка. Мы прислушивались. Лѣсъ былъ полонъ таинственныхъ звуковъ, но среди нихъ не было слышно шаговъ теленка. Наконецъ, Альги не выдержалъ и довольно грубо потрясъ заснувшего Нуддо.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ тотъ на гнѣвный шопотъ Альги. Приманка сейчасъ будетъ тутъ, сейчасъ...

Не успѣвъ онъ закончить своей фразы, какъ мы услышали совсѣмъ вблизи отъ насъ, не болѣе какъ въ 50 ярдахъ, женскій голосъ, который громко заплѣ какую-то туземную пѣсню. Нуддо сразу проснулся. Онъ приподнялся и сѣлъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Было свѣтло, какъ днемъ. Еще нѣсколько секундъ и мы увидѣли Сасеп, которая медленно приближалась къ намъ, нагбная свои заклинанія и призывы къ дьяволу-тигру.

Подойдя къ намъ совсѣмъ близко, она остановилась и, подививъ къ мѣсяцу, свое прекрас-

ное лицо, начала громко пѣть слѣдующую провизію:

«О вы, великіе саббы, тамъ, въ засадахъ, за старымъ деревомъ! Смотрите, я пришла сюда по своему обещанію!»

Своимъ пѣніемъ я призыву подъ ваши выстрѣлы страшнаго людоеда-тигра!»

Насъ сковалъ ужасъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ мы не могли ни двинуться, ни вымолвить слова. Нуддо весь дрожалъ, какъ въ припадкѣ жесточайшей лихорадки. Вдругъ онъ сильно толкнулъ меня.

Налѣво отъ насъ что-то быстро двигалось черезъ засаженный рисомъ поле. Стебли риса шуршали и раздвигались, образуя слѣды, подобный тому, который оставляетъ въ водѣ быстро несущійся по ея поверхности пароходъ. Еще нѣсколько секундъ и громадный полосатый звѣрь, ростомъ съ большого теленка, показался на той сторонѣ ручья. Одинъ послѣдній прыжокъ и онъ былъ на нашей сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сасеп.

Въ первый разъ мнѣ приходилось стрѣлять при такихъ условіяхъ; въ первый разъ отъ удачи или отъ неудачи моего выстрѣла зависѣла жизнь человѣка. Я былъ крайне возбужденъ. Когда звѣрь выскочилъ изъ лѣса и перепрыгнулъ ручей, я выстрѣлилъ и промахнулся. Я видѣлъ, какъ Сасеп повернулась лицомъ къ своему врагу. Я слышалъ возгласъ себя, какъ сквозь сонъ, тяжелое дыханье Альги... Прижокъ тигра и выстрѣлъ Альги были, кажется совершенно одновременны. Выстрѣлъ прокатился эхомъ по лѣсу, и въ то же время раздался глухой звукъ падающаго тѣла. Въ тотъ же мигъ мы выскочили изъ своей засады и бросились къ тигру. Громадный звѣрь былъ убитъ наповалъ. Тяжелую мертвую массу лежалъ онъ на еще вздрагивавшемъ предсмертною дрожью трупѣ своей несчастной жертвы.

СЕНАТОРЪ А. А. КНИРИМЪ.

На истекшей недѣлѣ минуло 40 лѣтъ государственной службы одного изъ немногихъ могиканъ «эпохи великихъ реформъ» сенатора гражданскаго кассационнаго департамента т. с. А. А. Книрима. О честованіи почтеннаго юбиляра семей петербургскихъ юристовъ было уже сообщено въ нашей газетѣ. Помѣщая его портретъ, считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя біографическія данныя о немъ. Юбиляру теперь 61-й годъ. Окончивъ училище правовѣдѣнія, онъ уже 25 лѣтъ отъ роду былъ назначенъ членомъ комисіи по составленію судебныхъ уставовъ, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ работниковъ по гражданскому судопроизводству и судостроительству. Въ теченіе дальнѣйшей своей служебной дѣятельности А. А. состоялъ товарищемъ предсѣдателя спб. окружнаго суда, предсѣдателемъ петербургскаго коммерческаго суда, оберъ-прокуроромъ гражд. кассационнаго департамента сената и затѣмъ съ 1878 г. состоитъ сенаторомъ того же департамента. Какъ юристъ-теоретикъ А. А. извѣстенъ своими статьями въ «Журн. Мин. Юстиціи», помощникомъ редактора котораго онъ состоялъ, въ «Журн. Гражд. и Угол. права», который онъ издавалъ съ 1870 по 1879 г., и въ «Журн. Юрид. Общества». Въ настоящее время А. А.

состоитъ помощникомъ предсѣдателя комисіи по составленію проекта гражданскаго уложенія. Ближайшее участіе въ трудахъ этой комисіи такихъ лицъ, какъ А. А. Книримъ, даетъ основаніе надѣяться, что нашъ новый гражданскій кодексъ будетъ носить отраженіе на себѣ тѣхъ великихъ началъ, которыя лежали въ основаніи «великихъ реформъ».

ВЪ ЦАРСТВѢ МРАМОРА.

Къ сѣверу отъ Пизы тянется цѣпь бѣлоснѣжныхъ горъ, затѣйливыя формы которыхъ рѣзко отличаются отъ правильныхъ очертаній Аппенинъ. Это известковыя скалы алпуйскихъ Альпъ; въ нихъ добывается всемірно извѣстный каррарскій мраморъ.

Городъ Каррара соединенъ подъѣзнымъ путемъ съ средиземной желѣзной дорогой. Вблизи Авенцы рельсы отходятъ отъ морскаго берега и направляются затѣмъ между двумя горными цѣпями; горы, обращенныя къ берегу, покрыты роскошными оливковыми лѣсами; вторая цѣпь состоитъ изъ мрамора и искрится ослѣпительнымъ блескомъ, въ особенности на солнцѣ.

Каррара живописно расположена въ долину рѣчки Карроне. Подобно всѣмъ итальянскимъ городамъ, и въ Каррарѣ существуютъ красивыя площади съ общественными постройками; новыя кварталы съ ихъ роскошными мраморными террасами лежатъ на холмѣ, а старыя тѣнятся по берегу рѣчки. Дома и памятники всѣ изъ мрамора и мостовыя покрыты слоємъ мраморной пыли. Горная желѣзная дорога «мармифера» идетъ по террасообразнымъ горамъ отъ одной каменоломни къ другой. Въ обыкновенныхъ случаяхъ посылается только товарный поѣздъ, но по просьбѣ путешественниковъ, желающихъ посѣтить эти горы, управление дороги охотно приписываетъ и пассажирскій вагонъ.

Каменоломни, въ которыхъ добывается мраморъ, мало доступны: онѣ имѣютъ видъ почти отвѣсныхъ скалъ. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ даже опытный рабочій долженъ соблюдать величайшую осторожность, перескакивая съ одной скалы на другую.

Такъ-называемый «статуарскій» мраморъ имѣетъ крупный, блестящій зерно и отличается бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ и кристаллическимъ строеніемъ; для скульптурныхъ произведеній пригоденъ только такой сортъ мрамора. Большой и совершенно чистый кусокъ статуарскаго мрамора оцѣнивается неизмѣнно дорого. Въ большинствѣ случаевъ, однако, даже лучшіе куски заключаютъ въ себѣ примѣсь менѣе цѣннаго мрамора; эту примѣсь приходится затѣмъ удалять. Зерна мрамора становятся чище по мѣрѣ того, какъ ломка камня идетъ въ глубину; вотъ почему самыя старыя каменоломни всегда даютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ. Для архитектурныхъ цѣлей весьма пригоденъ мраморъ «раонаzzo» бѣлаго цвѣта съ правильными своими жилками. Изъ пестраго мрамора «bardilio», встречающа-

гося въ самыхъ разнообразныхъ окрашкахъ, дѣлаются мозаичные полы, каминныя ваны и проч.

Рабочіе на каменоломняхъ довольствуются болѣе чѣмъ скудной пищей, но зато потребляютъ очень много вина; мраморная пыль заставляя ихъ смачивать глотку чаще, чѣмъ нужно. Вино непомѣрно разгорячаетъ горячую итальянскую кровь и «ножевалъ» расправа въ большемъ ходу у рабочихъ на каррарскихъ горахъ. Что касается заработной платы, то она вообще сравнительно очень высокая.

Гигантскія горы даютъ неисчерпаемый запасъ мрамора. Уже со времени этрусковъ люди добываютъ въ Каррарѣ этотъ камень, а между тѣмъ количество его почти не убавилось. Всѣхъ каменоломней 500 и на нихъ занято свыше 20.000 рабочихъ.

Для транспорта служить желѣзная дорога «мармифера», построенная въ 1875 г. Кромѣ того, для этой цѣли по прежнему употребляются быки. Повозки напоминаютъ времена римлянъ и древнихъ этрусковъ и снабжены низкими, тяжелыми колесами съ жестяными ободками; число колесъ зависитъ отъ длины повозки. Сѣрые маленькіе быки необыкновенно выносливы и имѣютъ огромные красивые рога; копыта ихъ окованы жестью. Чтобъ перевезти въ долину кусокъ мрамора среднихъ размѣровъ, необходимо запретъ въ тѣлѣгу 2—6 паръ быковъ. Нерѣдко по горамъ тянутся цѣлыя караваны быковъ.

Каждая пара быковъ несетъ тяжелое ярмо, благодаря которому бѣднѣйшіе животныя принуждены наклонять голову очень низко. На ярмѣ, обернувшись назадъ, сидитъ погонщикъ съ колючимъ прутомъ. Рядомъ съ тѣлѣгой бѣгутъ другіе погонщики; громко крича и ударами палками, они заставляютъ быковъ тащиться впередъ. Тѣлѣги подвигаются медленно, толчками: вся дорога усыяна камнями и глубокими выбоинами. По пути приходится нѣсколько разъ останавливаться и отдыхать. Пруть съ колючками причиняетъ животнымъ жестокую боль, но они безсильны оказать какое либо сопротивленіе и волей — неволей ее переносятъ.

Тѣлѣги выгружаются у мастерскихъ для распилки, расположенныхъ по берегу Карроне. Мастерскія поражаютъ своей роскошной архитектурой и служатъ украшеніемъ Каррары. Весь берегъ усыянъ кусками мрамора.

Характерно, что наряду съ механической распилкой, въ Каррарѣ до сихъ поръ еще процвѣтаетъ распилка при помощи ручной пилы. Впрочемъ, это отчасти и понятно: ручная пила распиливаетъ гораздо тщательнѣе, нежели механическая. Ручная пила не имѣетъ зубцовъ; она втиснута въ тяжелую раму и виситъ на веревкахъ; дѣйствуетъ пила посредствомъ давленія на нее груза изъ желѣза и песка.

Распиленные куски затѣмъ полируются. Ручной способъ полировки состоитъ въ томъ, что мраморную доску посыпаютъ сырымъ пескомъ и трутъ по ней кускомъ жесты до тѣхъ поръ, пока доска не будетъ совершенно гладкая. Болѣе правильная полированная поверхность достигается механическимъ способомъ.

Зрѣны посѣтителя Каррары скоро утомляется: вездѣ мраморъ, мраморъ и мраморъ.

Тетушка Аннета.

(съ французскаго).

Когда докторъ вышелъ изъ спальни, тетушка Аннета позвала свою старую служанку и обратилась къ ней съ слѣдующими словами:

— Знаете, Луиза, докторъ, наконецъ, признался мнѣ, что сегодня вечеромъ, или — самое познее — сегодня ночью, все будетъ кончено, и... тише, тише... не плачьте, не надо, не надо, а то баринъ услышитъ вашъ плачъ и начнетъ безпокоиться... Вы знаете, дорогая моя, что по воскресеніямъ нашъ юре никогда не хоронитъ. Значитъ, похороны будутъ отложены на понедѣльникъ. Такимъ образомъ, вы успѣте послать приглашеніе моимъ кузенамъ Тотрену и де-Польбеку и приготовить приличную случаю помпальную закуску. Вѣдь цѣль же будетъ отправить всѣхъ нашихъ друзей съ кладбища прямо по домамъ голодными... Я хочу, пока я еще въ силахъ, условиться съ вами, дорогая Луиза, насчетъ всего, что должно быть сдѣлано въ понедѣльникъ, когда меня уже не будетъ на этомъ свѣтѣ. Мой бѣдный старикъ вѣдь совсѣмъ раскиснетъ; онъ ни въ чему не будетъ годенъ въ этотъ день. Я поручаю его вамъ, Луиза; смотрите за нимъ хорошенько. Вѣдь въ его годы вдругъ взмѣшны сразу всѣ свои привычки — очень, очень опасная вещь.

И тетушка Аннета при этой мысли безпокойно задвигалась на своей постели. Черезъ минуту, однако, она оправилась, приподнялась на подушкахъ, открыла глаза и, улыбувшись, какъ человѣкъ, знающій секретъ и не желающій открывать его, продолжала:

— Ну, хорошо! Возьмите у меня изъ-подъ подушки росписаніе, которое я для васъ приготовила. Нашли?... Разберете вы мой очеркъ? Погодите... Дайте мнѣ очки... Мы попробуемъ разобрать вмѣстѣ... *Понедѣльникъ*... Вы понимаете, я написала здѣсь все, что вы должны будете дѣлать, когда меня не будетъ, во всѣ дни недѣли... Итакъ, *понедѣльникъ*: хорошенько вычистить воскресный костюмъ барина и сложить его аккуратно въ комодъ. *Вторникъ*: перемѣнить воротнички рубашки... Если баринъ вздумаетъ послѣ завтрака сойти въ садъ — посмотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ раньше надѣлъ калоши. *Среда*: такъ какъ въ этотъ день изъ деревень приносятъ свѣжія яйца, то сдѣлать для барина яичницу; знаете, ту яичницу, которую онъ любитъ. *Четвергъ*: перемѣнить барину все бѣлье...

Тутъ тетушка Аннета прервала чтеніе: — Будьте внимательны, дорогая Луиза, когда будете гладить: постарайтесь не ломать пуговицы рубашки. Баринъ, вы знаете, у насъ не любитъ этого.

— Я постараюсь, сударыня, проговорила сквозь слезы служанка.

Тетушка Аннета поглядѣла на нее поверхъ очковъ. При видѣ ея заплаканныхъ, распухшихъ и покраснѣвшихъ глазъ, на лицѣ ея промелькнуло выраженіе снисходительнаго сожалѣнія. Нѣсколько помолчавъ, она продолжала:

— **Пятница:** въ пятницу вы сдѣласте на обѣдъ рыбу, но смотрите, покупайте всегда свѣжую, самую свѣжую рыбу. Иногда покупайте форель, — баринъ это любитъ, — но только изрѣдка: докторъ запрещаетъ ему это лакомство.... не знаю, почему!... Вы, вѣроятно, помните и сами, какія у насъ выходили ссоры изъ за этой форели!...

И она улыбнулась, припоминая мимолетныя свои стычки съ мужемъ изъ-за того или другого блюда.

— **Суббота:** въ субботу, вы знаете, баринъ всегда играетъ въ карты у своего кузена. Вы знаете, что онъ возвращается оттуда домой очень поздно, почти прямо къ обѣду. Онъ обыкновенно спѣшитъ. Я всегда боялась въ такихъ случаяхъ,

какъ бы онъ не споткнулся и не упалъ, особенно на нашихъ тротуарахъ. Поэтому, вы всегда выходите ему на встрѣчу, но только такъ, чтобы онъ не заподозрилъ, что это дѣлается для него. Вы берите съ собою корзину, какъ будто вы вышли на базаръ за по-

купками и встрѣтились съ нимъ случайно, — вы понимаете. Да, „на базаръ“, или въ лавки, за покупками, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Надо будетъ варьировать эту тему на все лады, но на правдоподобные лады, чтобы баринъ ничего не заподозрилъ! Бѣдная, неповоротливая и недогадливая Лу-

благополучія. Тетушка Аннета понимала это, и сознание этого тревожило ее не на шутку. Оно, главнымъ образомъ, заставляло ее жалѣть о томъ, что сегодня вечеромъ или — самое позднее — ночью, ей придется покинуть этотъ міръ. Мысль, что ея бѣдный мужъ будетъ постоянно чувствовать ея отсутствие, только и смущала теперь душевную ясность, съ которою она готовилась встрѣтить приближавшуюся смерть.

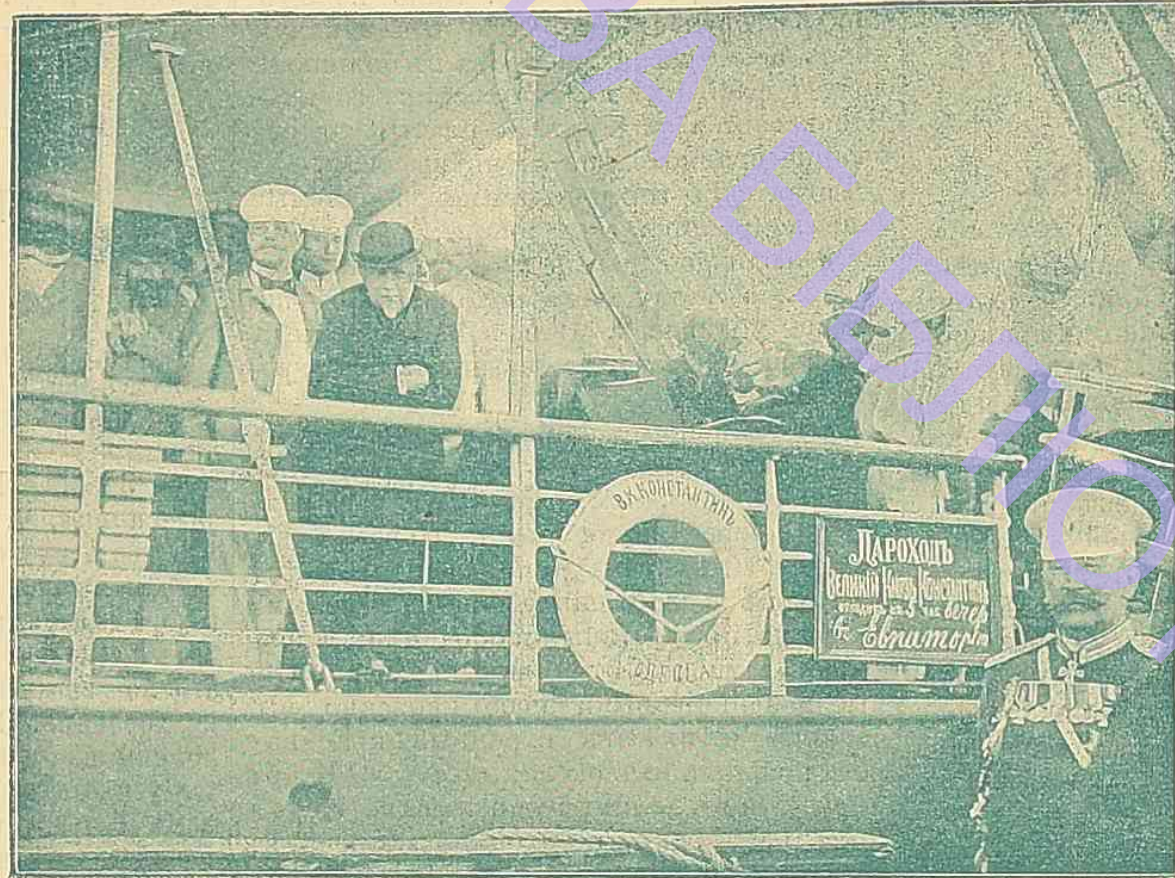
На глазахъ ея появилось что-то въ родѣ слезы.

— Ну, однимъ словомъ, вы понимаете, дорогая Луиза, сказала она, сдѣлавъ надъ собою усилие. — Надо, чтобы бѣдный старикъ возможно меньше чувствовалъ неудобствъ и лишений оттого, что меня возлѣ него болѣе не будетъ.

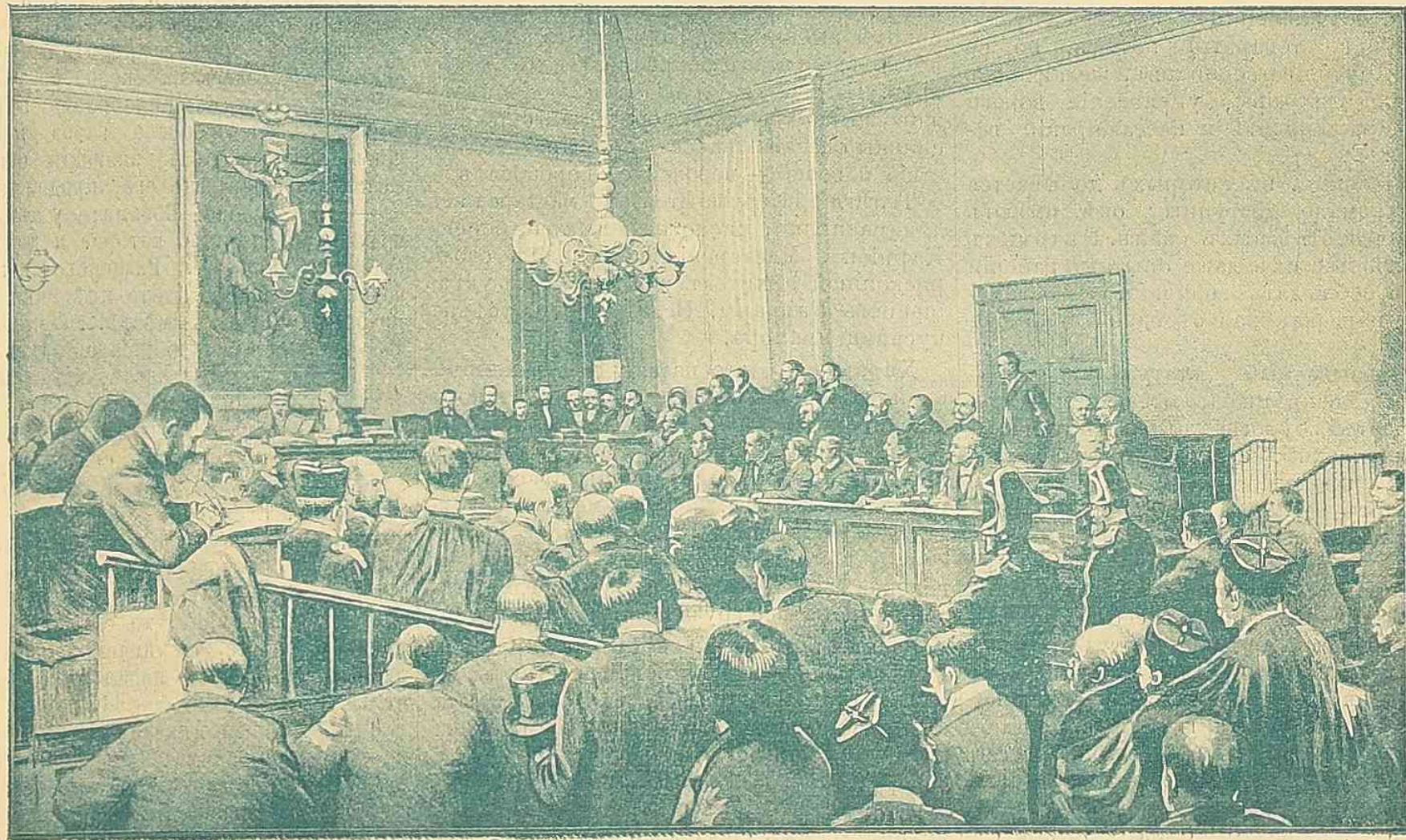
Такъ резюмировала тетушка Аннета свое завіщаніе. Истинная любовь не любитъ оставлять послѣ себя слезы.

Покончивъ съ своими инструкціями по отношенію къ дѣямъ недѣли, тетушка Аннета еще разъ возвратилась ко дню своихъ похоронъ, — къ понедѣльнику. Сколько разъ въ ея домѣ собирались родные и друзья, то въ дни общей веселости, то въ дни общаго горя. Она всегда принимала ихъ, заботилась объ ихъ удобствахъ и комфортахъ. Теперь, въ понедѣльникъ, въ

иза, навѣрное, не сумѣетъ, не смотря на все ея старанія, достичь того искусства цѣлительной лжи, которое довела до такого совершенства тетушка Аннета, окружившая все существованіе своего мужа цѣлою сѣтью всевозможныхъ обмановъ ради его спокойствія и

Одесса. — Министръ путей сообщенія кн. М. И. Хилковъ на борту парохода „В. К. Константинъ“ передъ отъѣздомъ изъ Одессы. Съ фотографич. снимка г. Наака. Автоинія „Одес. Нов.“

Версаль. — Второй процессъ Зола. — Засѣданіе суда.

Автоинія „Одес. Нов.“

первый разъ ея не будетъ здѣсь. „Вѣдь онъ — мужъ — совсѣмъ ни къ чему не будетъ годиться, думала она.

— Онъ перемѣщаетъ бѣлое вино съ краснымъ, бордо съ бургундскимъ. А Тетрену — такой знатокъ! И она рѣшилась, во избѣжа-

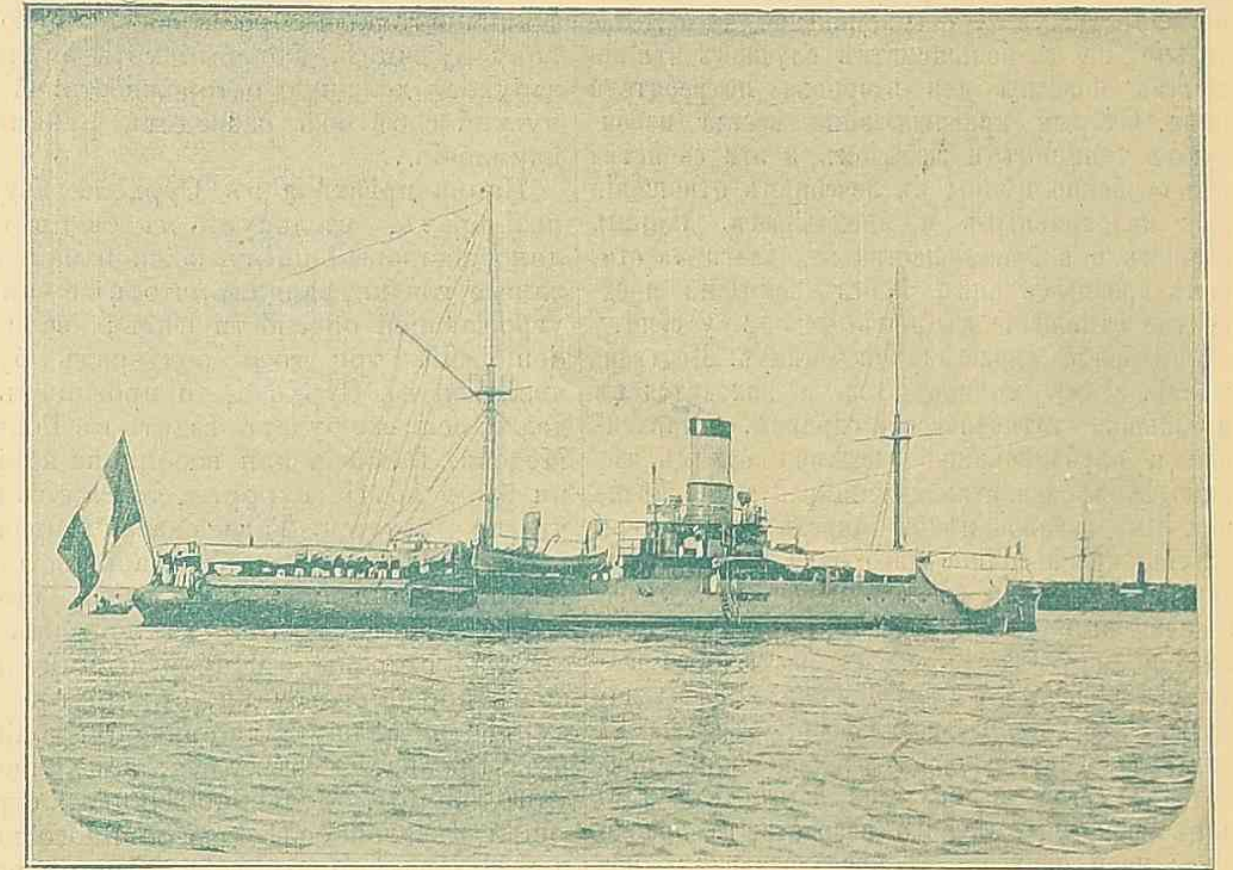

Александръ Александровичъ Книримъ, сенаторъ. (По поводу 40-лѣт. государствен. дѣятельности).

нѣ путаницы, позаботиться и объ этомъ. Она взяла свою тетрадку и вписала въ нее, какія вина и сколько надо будетъ выпустить изъ погреба для помпальной закуски; какія блюда надо приготовить и въ какомъ количествѣ. — Да, вотъ еще, моя дорогая, возьмите мои ключи, отпирите ящикъ комода. Видите вы тамъ рубашку барина, съ вышитыми манжетами? Да? Такъ дайте мнѣ сюда ту, которая лежитъ наверху, — съ бѣлымъ галстучкомъ. Когда рубашка была выпущена, тетушка Аннета тщательно ее осмотрѣла.

— Вы купите новый галстухъ, Луиза, сказала она потомъ.

— Какъ вы находите эту рубашку? Вы приготовите ее для барина въ понедѣльникъ утромъ; пусть онъ въ ней пойдетъ на кладбище. Тетушка Аннета провела рукою по манжетѣ, любовясь вышивкою. Потомъ она прибавила, съ самодовольной улыбкой хорошей хозяйки:

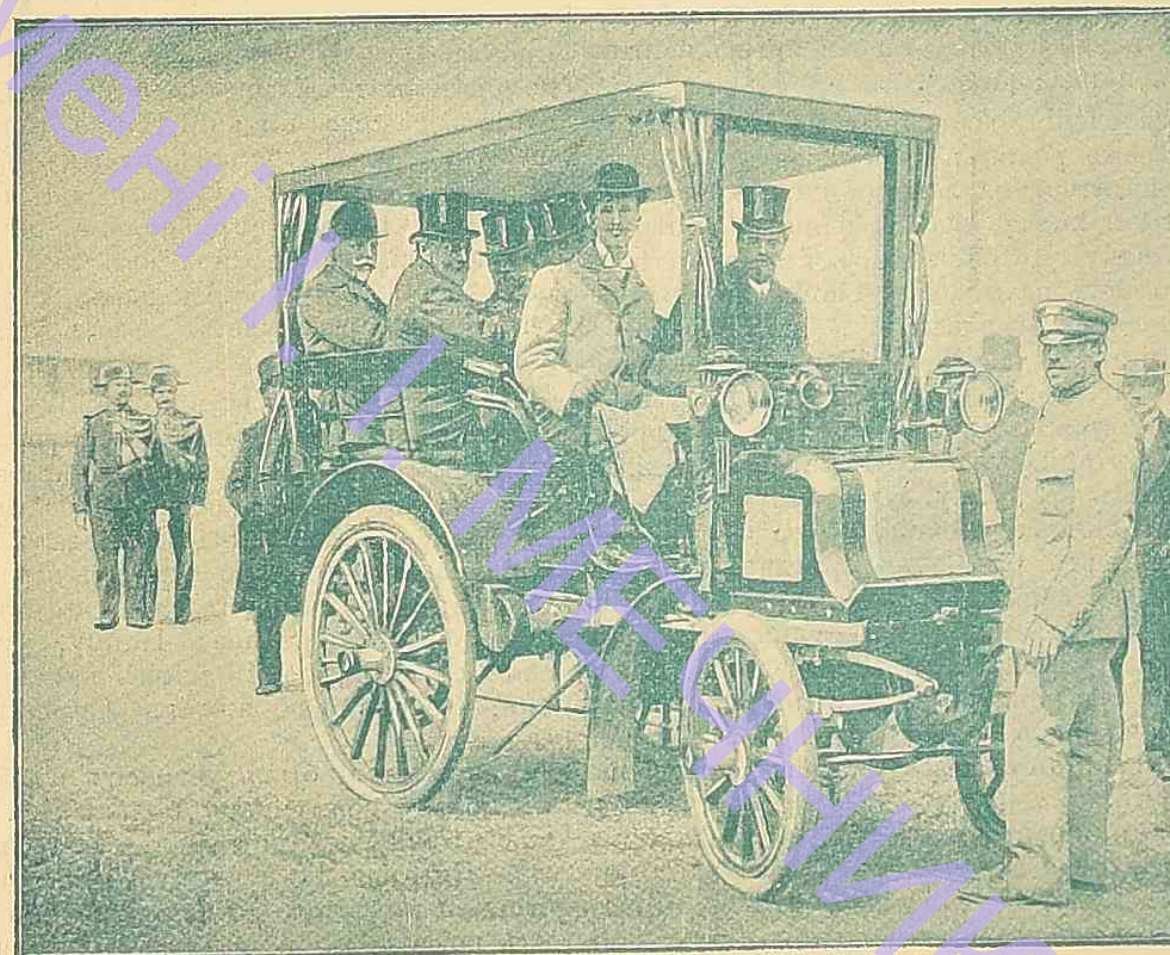
Французскій стаціонеръ миноносецъ „Léger“, посѣтившій Одессу. Съ фотографическаго снимка г. Наака. Автоинія „Одес. Нов.“

— Знаете-ли, Луиза, баринъ надѣвалъ эту рубашку всего одинъ разъ въ своей жизни, — въ день нашей свадьбы.

КРАСНОЕ ИЛИ БѢЛОЕ ВИНО?

Въ медицинскомъ мірѣ существуетъ почему-то предубѣжденіе противъ краснаго вина,

сифигировать. Но дѣло въ томъ, что въ виду повышенія цѣнъ на бѣлыя вина изысканы и средства превращать красныя вина въ бѣлыя. Ихъ обрабатываютъ особымъ химическимъ составомъ изъ обезцвѣчивающихъ

Версаль. — Второй процессъ Зола. — Приѣздъ Зола, Лабори, Перенкса и др. въ Версаль на автомобильѣ. Автоинія „Одес. Нов.“

Графъ Михаилъ Михайловичъ Толстой. † 15 мая 1898 г. въ Одессѣ.

ихъ марганцевого поташа, и самыя темныя красныя вина превращаются въ бѣлыя, по въ такихъ винахъ остается сильный осадокъ

марганца, безусловно вредного для здоровья: такимъ образомъ бѣлое вино не только можетъ быть поддѣльнымъ, но даже и вреднѣе краснаго вина. Кромѣ того, нѣкоторыя бѣлыя вина дѣйствуютъ сильно на первую систему; наконецъ, они не заключаютъ въ себѣ ни танина, ни желѣза; отсутствіе танина и желѣза въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, даже желательнѣе, но въ большинствѣ случаевъ эти вещества полезны для здоровья потребителя вина. Старыя красныя вина всегда избилуютъ таниномъ и желѣзомъ, и эти свойства ихъ особенно цѣнны въ лечебномъ отношеніи для малокровныхъ и анемичныхъ. Однимъ словомъ, всѣ преимущества находятся на сторонѣ красныхъ винъ, и безъ сомнѣнія предвзятое отношеніе къ нимъ скорѣе уступитъ мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ. Подтверженіе этому мнѣнію отчасти находится въ небольшой статистической справкѣ, составленной и опубликованной недавно однимъ изъ виноподѣловъ департамента Жиронды во Франціи. Онъ задается цѣлью опредѣлить степень вліянія краснаго и бѣлаго вина на человѣческое долголѣтіе и воспользовался для своей задачи выборными списками, распредѣляя ихъ по округамъ съ преимущественною выдѣлкою краснаго и бѣлаго вина. Цифры получены весьма наизидательныя: такъ на 17 округовъ, употребляющихъ красное вино, приходится 7,738 избирателей, и въ нихъ 380 лицъ свыше 75 лѣтнаго возраста, т. е. около 5%; на 7 округовъ съ преобладающимъ потребленіемъ бѣлаго вина приходится 3,029 избирателей и въ числѣ ихъ всего 88 семидесятилѣтнихъ стариковъ или менѣе 3%.

Можно ли послѣ этого спорить о преимущественныхъ достоинствахъ бѣлаго вина!

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ЖЕНИХОМЪ.

Юмористическій рассказъ

Геденштерна.

Переводъ со шведскаго.

До поѣздки на курортъ Сурхола, фрейлейнъ Нанна Квибомъ была скромной, наивной дѣвушкой. Ее нельзя было назвать красавицей, и стоило-бы большого труда выдать ее замужъ, но, къ счастью, она обладала красивой фигурой, а это уже большой шагъ въ матримониальной борьбѣ. Нанна кончила гимназію и посѣщала кулинарные курсы. Все это давало поводъ г-ну Квибомъ, многозначительно взглядывая на мужа, приговаривать: „Дѣло пойдетъ на ладъ“.

Чтобъ дѣло шло скорѣе, Наннѣ сшили два новыхъ платья, купили зонтикъ, накидку, очень миленькую шляпку, вручили 250 кронъ и отправили, въ сопровожденіи тетки, въ Сурхола, курортъ, не принадлежащій къ числу очень фешенебельныхъ.

Папаша Квибомъ былъ того мнѣнія, что лучше было-бы послать Нанну на конкурсъ красавицъ въ Роннеби или Рамлоза. Мамаша однако высказала на это слѣдующія соображенія: „Въ такомъ случаѣ ты должнъ прибавить еще 100 кронъ и сшить три платья вмѣсто двухъ. Тамъ собирается такая масса народа, что таму Нанночку могутъ просто такъ и замѣнить. Попробуемъ, дасть Богъ, и въ Сурхола она найдетъ свое счастье“.

Предъ отъѣздомъ Наннѣ сдѣлали внушеніе, чтобы она постаралась составить себѣ партію, прежде чѣмъ растратить всѣ свои деньги. Если же будетъ удача, пусть немедленно везетъ нареченнаго домой. Тогда мама на оставшіяся деньги можетъ сдѣлать себѣ парадное платье. Нанна обѣщала броситься на шею первому мужчине, который хоть на минуту забудетъ должную осторожность. А тамъ пускай себѣ онъ разводитъ руками отъ изумленія...

Нанна пріѣхала въ Сурхола. Курортный врачъ, взглянувъ на ея пѣтушее лицо, здоровый цвѣтъ кожи и маленькіе, живые глазки, заявилъ, что, въ сущности, угрожающей опасности нѣтъ; если mademoiselle три года подрядъ будетъ являться въ Сурхола, то проживетъ еще долго; если же будетъ ѣздить въ Роннеби Медеви, Рамлоза или вообще на какіе-бы ни было другіе курорты, тогда онъ ни за что не ручается. Такъ сказалъ врачъ.

Скоро Нанна познакомилась съ обитателями курорта. Ей предстоялъ выборъ между однимъ изъ трехъ лейтенантовъ, съ одной стороны, и исправляющимъ должность короннаго судьи, съ другой; конкurreнтки не внушали опасенія: модистка изъ Гренна, дѣвъ худыя, какъ щепки, учительница, дочь помѣщика, страдающая тяжелой болѣзнью спинного мозга, и женщина-фотографъ съ вѣчно черными пальцами.

И Нанна была въ правѣ написать своему отцу: „Я истратила всего 22 кроны 50 оръ, а уже всѣ молодые люди въ моихъ свѣтахъ. Кого мнѣ выбрать?“

Папаша отвѣчалъ: „Если наклонится судья, бери его, такъ какъ вся грубость, которой довольно въ душѣ у каждаго изъ насъ, изливается у него на подсудимыхъ; стало быть, дома онъ будетъ добрымъ и внимательнымъ мужемъ. Другое дѣло — пасторъ. Этотъ на людяхъ долженъ быть кроткимъ и смиреннымъ и, разумѣется, дикій звѣрь, сидящій въ его душѣ, будетъ искать выхода въ семейныхъ вспыхъ и раздорахъ“.

Развлеченія, доступныя на курортѣ, были трехъ родовъ: пить кофе въ Рухагенѣ, кататься на лошади церковнаго старосты и ходить къ лавочнику смотрѣть на бѣлку. До сихъ поръ въ Сурхолѣ не было такъ называемой „комиссіи по упорядоченію развлеченій“, и легко себѣ представить, какія непріятности выходили, благодаря ей отсутствію. Когда судья навмалъ лошадь, оказывалось, что фрейлейнъ Нанна уже обѣщала пастору идти смотрѣть на бѣлку, а когда судья хотѣлъ съ Нанной идти смотрѣть на бѣлку, выходило, что она уже приглашена пить кофе лейтенантомъ голландскаго батальона. Когда, наконецъ, судья съ своей стороны ввалъ ее пить кофе, она опять не могла принять приглашеніе: одинъ изъ голландскихъ офицеровъ ѣздилъ съ ней кататься, и она схватила на прогулкѣ насморкъ.

Внезапно этотъ хаосъ озаириса яркимъ свѣтомъ; новая звѣзда взошла на горизонтѣ курорта; пріѣхалъ агентъ Фридлеръ и заваялъ на мѣсяцъ лучшую комнату въ гостинницѣ.

Агентъ Фридлеръ былъ еще молодой человекъ съ завитой въ мелкія кури шеве-

лурой, въ усахъ и съ большимъ запасомъ элегантныхъ лѣтнихъ костюмовъ.

Однажды за завтракомъ онъ заявилъ: „Нужно, господа, организовать комиссію развлеченій“.

„О, да!“ озовались въ одинъ голосъ дамы.

„Главное слѣдуетъ внести въ наши удовольствія тотъ хорошій тонъ, который господствуетъ хотя-бы, напримѣръ, въ Висби“, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

„Суета суетъ и вселенская суета!“ проговорилъ пасторъ.

Это — хорошая мысль!“ скрѣпилъ курортный врачъ, и дѣло было рѣшено.

Г-жа Аксельсонъ, фрейлейнъ Нанна Квибомъ, лейтенантъ Флореттъ и, конечно, агентъ Фридлеръ были выбраны въ члены комиссіи.

Начался длинный рядъ прогулокъ, маскарадовъ, танцевальныхъ вечеровъ и любительскихъ спектаклей.

Лошадь церковнаго старосты была за-быта, и бѣлка ломала себѣ голову, какое такое преступленіе она совершила, что никто не идетъ на нее смотрѣть. Фрейлейнъ Нанна была enfant terrible всего общества. То она просила у супруги приходскаго пастора ватерпруфъ и дѣлала изъ него королевскую манію, то уговаривала старосту отпустить его младшую дочь въ курортъ для участія въ живыхъ картинахъ. Папаша Квибомъ, получивъ ея письмо, думалъ, что дѣло сладилось и въ недалекомъ будущемъ онъ прижметъ судью къ своему опповскому сердцу. Однако, взглянувъ туда, онъ черезъ двѣ строчки на третей непрѣменно находилъ: „г-нъ Фридлеръ и я“, „я и г-нъ Фридлеръ“, „завтра мы ставимъ шесть живыхъ картинъ“, „пришлите мнѣ немедленно дѣдушкины форменныя брюки, мы думаемъ поставить сцену изъ „Новаго гарнизона“.

Папаша раздобылъ торговый календаръ и цѣлый часъ искалъ тамъ фамилію агента Фридлера изъ Содертелье, но тамъ таковаго не значилось вовсе; тогда онъ написалъ Наннѣ, чтобъ она немедля ѣхала домой и не являлась-бы безъ судьи. Въ отвѣтъ на его письмо Нанна прислала наборъ какихъ-то непонятныхъ фразъ: „Сродство душъ“, „Сердцу не прикажешь“ и проч. и прибавляла, что они ставятъ живую картину изъ любовныхъ похожденій Густава Адольфа, „причемъ г-нъ Фридлеръ будетъ лежать у моихъ ногъ“.

Г-нъ Фридлеръ былъ неутомимъ. То представлялъ онъ все общество отправляться въ Рухагенъ и здѣсь, изображая неаполитанскихъ рыбаковъ, отдавать босны ноги на съѣденіе муравьямъ; то мазалъ всѣмъ лица сажей, чтобъ представить цыганскій таборъ; то снималъ гардины и, запутавши въ нихъ фрейлейнъ Нанну, укладывалъ ее на обросшіи мхомъ камень, утѣряя, что она изображаетъ „Сияющую красавицу“.

Разумѣется, былъ устроенъ и базаръ въ пользу немущихъ больныхъ. Тутъ уже всякое сопротивленіе оказывалось тщетнымъ, и даже г-жу Аксельсонъ заставили надѣть короткую красную юбку, изъ подъ которой выглядывали ея толстыя пкры, какъ ножка колосальнаго мухомора. Стаканъ содовой воды стоилъ 30 оръ, но зато его наливали сама супру-

га мѣстнаго пастора. Самыя некрасивыя женщины больше другихъ любезничали съ мужчинами.

Посрединѣ залы стояла самая большая ванна, какая только нашлась въ курортѣ. Передъ ванной сидѣла съ распущенными волосами фрейлейнъ Нанна. Она плескалась въ ваннѣ докторской тростью, разбрызгивая воду на значительное пространство вокругъ. Это, по словамъ г-на Фридлера, должно было изображать „Наяду“, и за это полагалась особая плата въ 25 оръ; за право прикоснуться къ наядѣ обитатели курорта платили 50 оръ, посторонніе — 1 крону.

Судья, увидѣвши эту картину, смахнулъ украдкой предательскую слезу, навернувшуюся на его глаза.

Фридлеръ былъ въ превосходномъ настроеніи духа, рассказывалъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ по залу, декламируя стихи. Когда фрейлейнъ Нанна ушла съ своего мѣста, причекалась и подвинулась онъ объяснился ей въ любви. Нанна, взглянувъ въ кошелекъ, увидѣла, что осталось еще 47 кронъ 50 оръ. Дѣло быстро сладилось, и папа положительно не могъ ничего возразить.

На утро докторъ * * * передалъ всему обществу поклонъ отъ агента Фридлера. Бѣдный молодой человекъ такъ неожиданно былъ вызванъ къ умирающему отцу майору Фридлеру, что не имѣлъ времени проститься даже съ фрейлейнъ Нанной.

Возвращаясь домой, Нанна рассказала все, какъ было. Папаша Квибомъ раздобылъ календаръ казеннаго изданія, но не было ни строчки о майорѣ Фридлерѣ. Всѣ триофиперазабыли фрейлейнъ Нанну; даже изъ благочестиваго сердца пастора ея милый образъ былъ вытѣсненъ краснощекой полковничьей дочерью съ кругленькимъ приданымъ, и только судью стрѣла Амура пронзила глубоко въ сердце. Вскорѣ онъ явился, и въ концѣ концовъ Нанна стала его женою.

Лѣтомъ новобрачные поѣхали въ Стокгольмъ. На другое утро по пріѣздѣ они отправились завтракать въ ресторанъ и, усѣвшись, судья съ довольною физиономіей постучалъ по столу золотымъ набалдашникомъ своей трости.

Къ нимъ подбѣжалъ темнокудрый, расфранченный Ганимедъ съ самой воровской физиономіей...

„Вотъ такъ исторія!“... пробормоталъ Ганимедъ.

„Что же вы стоите, чортъ возьми!“ закричалъ судья.

„Боже!“... простонала Нанна, закрывъ платкомъ свои зардѣвшія щеки.

Ганимедъ бросился къ буфету, такъ что только фалды засверкали, и, ткнувъ подъ бокъ товарища, сказалъ:

„Бломквистъ, сдѣлай милость, подай вотъ тѣмъ господамъ. Это молодожены, и съ дамочкой въ прошломъ году на одномъ курортѣ у меня была сердечная исторія. Имъ будетъ такъ тяжело видѣть меня...“

ПО ХОЗЯЙСТВУ.

О мерцаніи керосиновыхъ лампъ. Часто керосиновыя лампы безъ всякой видимой причины плохо горятъ, коптятъ и даютъ тусклое пла-

мя. Причина тому заключается въ проникненіи въ фитиль влаги. Хлопчатая бумага, изъ которой приготовляются фитили, обладаетъ гигроскопичностью, и поглощаетъ влаги отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ своего вѣса. Влажный же фитиль не излучаетъ керосина, отчего и происходитъ неудовлетворительное горѣніе лампы. Поэтому нужно принять за правило: никогда не вправлять новые фитили, не высушивъ ихъ предварительнѣе въ тепломъ мѣстѣ. Разъ фитиль пропитается керосиномъ, онъ уже недоступенъ влагѣ. Вообще, двумъ не слѣдуетъ ставить лампы на окнахъ и въ сырыхъ мѣстахъ, такъ какъ отъ этого онѣ засоряются и металлическія части покрываются ржавчиной.

Нашатырь въ домашнемъ обиходѣ. Помощью слабого воднаго раствора нашатырнаго спирта выводятся изъ платья жирныя пятна, для чего на смоченное отымъ растворомъ пятно накладываютъ листъ бѣлой пропускной бумаги и проводятъ по нему горячимъ утюгомъ.

Смѣсь изъ равныхъ частей нашатырнаго спирта и скипидара выводитъ пятно отъ масляныхъ красокъ, даже болѣе или менѣе застарѣлыя.

Три столовыя ложки нашатыря на ведро теплой воды — лучшая жидкость для мытья дверей и оконныхъ рамъ; той же жидкостью (легкое смачиваніе опрыскиваніемъ) хорошо чистятся ковры. Металлическія дверныя ручки, печенныя заслонки и т. п. очищаются тряпкой, смоченной слабымъ воднымъ растворомъ нашатыря.

Фланель, вымоченная въ ведрѣ воды съ примѣсью одной ложки нашатырнаго спирта и самаго небольшого количества соды, отлично смы-

вается и становится совершенно чистой, при чемъ нѣтъ надобности долго ее тереть; будучи затѣмъ высушена, она при этомъ способѣ чистки совсемъ не садится.

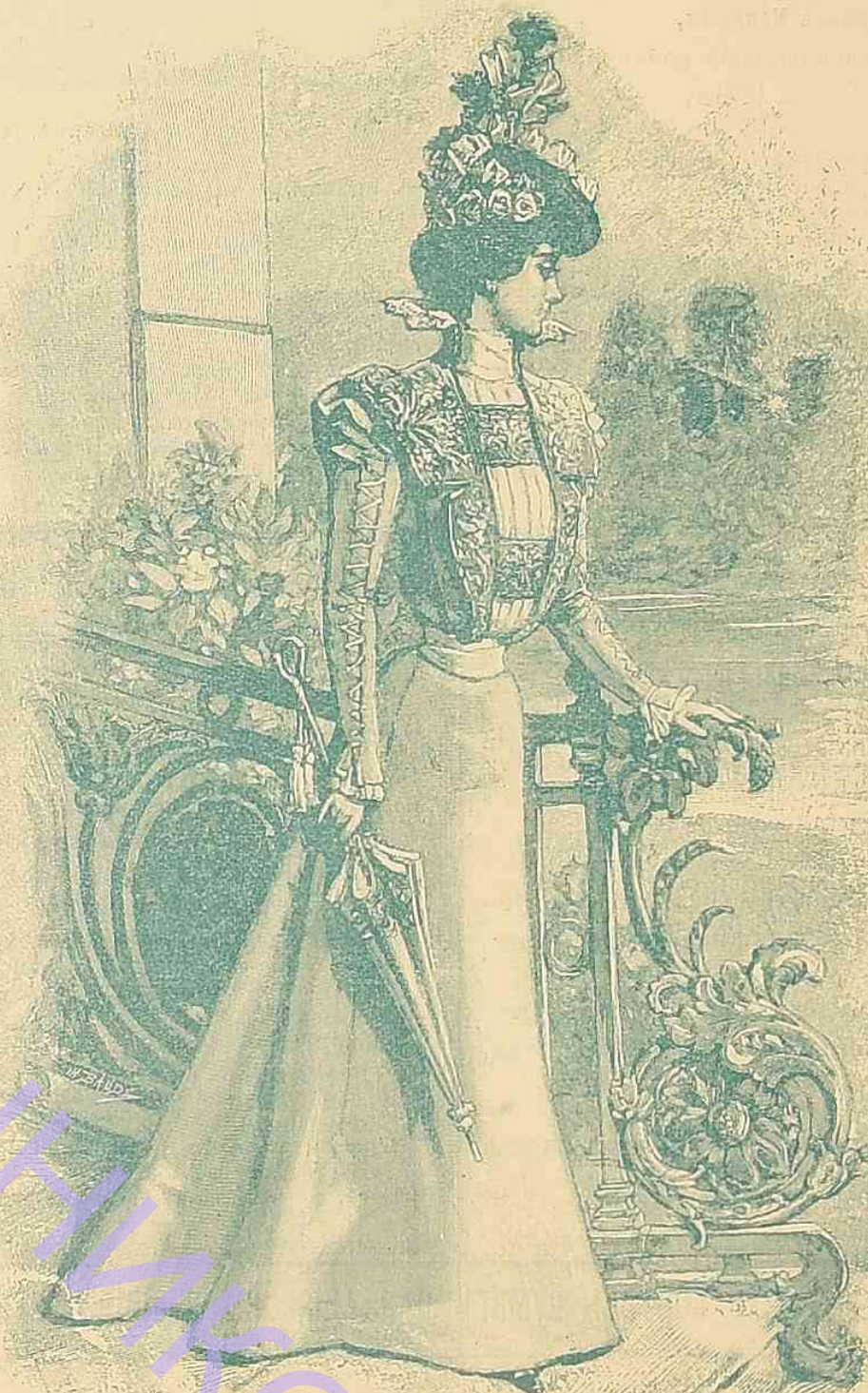
Сохраненіе лимоновъ. — Лимоны слѣдуетъ опустить въ свѣжую воду довольно холодную, и держать ихъ такъ все время, перемѣняя приблизительно воду разъ въ недѣлю.

При такомъ способѣ сохраненія лимоны не портятся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Починка треснувшей глиняной посуды. — Этотъ способъ указанъ французскимъ химикомъ Дамуленомъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Въ посуду, подлежащую починкѣ, кладутъ три или четыре куса сахара, обливаютъ ихъ водою и ставятъ на сильный огонь. Когда сахаръ превратится въ сиропъ, имъ обливаютъ трещину по нѣскольку разъ, продолжая держать посуду на огнѣ. Проникшая въ скажины, сиропъ обугливается и образуетъ здѣсь однообразную твердую, плотную массу, совершенно заполняющую трещину.

Разныя разности.

Феноменальный человекъ. — Въ Лондонѣ теперь показываетъ себя нѣкій Генри Говардъ, который можетъ быть названъ единственнымъ въ своемъ родѣ феноменомъ. Этотъ человекъ совершенно нечувствителенъ къ физической боли, и, что еще болѣе поразительно, обладаетъ полнымъ контролемъ надъ своимъ кровообращеніемъ.

Костюмъ для гулянья.

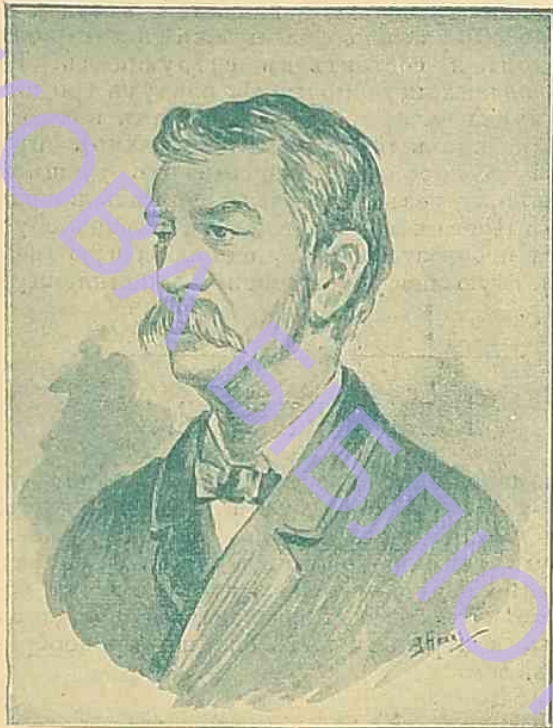
Говарду теперь 28 лѣтъ. Это совершенно здоровый, атлетическаго сложенія, молодой человѣкъ. Онъ никогда не зналъ чувства физической боли, ни разу въ своей жизни не страдалъ ни малѣйшей болѣзью. Демонстрируя свою нечувствительность къ боли, онъ прокалываетъ себя все тѣло двумя десятками большихъ, „головныхъ“ булавокъ. Этими послѣдними онъ пронизываетъ насквозь не только руки свои, ноги и щеки, но и самое туловище, вты-

стей, они оказываются совершенно сухими, а „раны“, оставленныя ими, представляютъ просто сквозныя отверстія, точно такія же, какія получаютъ отъ просверливанія гвоздями обыкновенныхъ досокъ. По извлеченіи гвоздей Говардъ, по указанію зрителей, „пускаетъ“ кровь изъ одного или изъ всѣхъ этихъ отверстій, а по желанію останавливаетъ ее.

Итальянская аристократія.—Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой бѣдной знати, какъ въ Италіи.

дахъ Италіи насчитываютъ около 30 герцоговъ, маркизовъ и графовъ служащихъ простыми кучерами, столько же швейцаровъ въ отеляхъ и отъ 15 до 20 титулованныхъ гидовъ. Въ Нью-Йоркѣ два итальянскихъ герцога служатъ лакеями въ частныхъ домахъ, а одинъ—при подъемной машинѣ въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ.

Дворянскіе титулы въ Италіи весьма доступны для иностранцевъ, обладающихъ хорошими средствами. Титулъ принца можно при-

Эдуардъ Беллами,
извѣстный американскій романистъ.
† 12 мая 1898 г.

кая, напр. длинную булавку въ грудь такъ, что остріе ея торчитъ изъ спины.

Еще болѣе удивительно его обладаніе собственной кровеносной системой. Вы можете его ранить чѣмъ угодно и въ любое мѣсто его тѣла, но кровотеченіе изъ раны вполнѣ зависитъ отъ него самого. Онъ по желанію даетъ крови течь изъ раны и по желанію же моментально ее останавливаетъ. Съ нимъ продѣлываютъ слѣдующій опытъ. Его буквально пригвозждаютъ къ стѣнѣ, вбивая восемь большихъ гвоздей въ распростертыя по стѣнѣ руки его и ноги. Когда гвозди затѣмъ извлечены изъ его конечно-

Оркестръ телеграфныхъ чиновниковъ въ Одессѣ.

Здѣсь сплошь и рядомъ можно видѣть такъ называемыя „carrozze di nobiltà“,—дворянскія кареты. Какая нибудь полудюжина графскихъ и герцогскихъ фамилій въ складчину обзаводятся экипажемъ. Лошади и кучеръ содержатся также въ складчину. Пользуются каретой по очереди, причемъ каждая фамилія имѣетъ для этого общаго экипажа свои дворцы съ своимъ гербомъ, который навѣшивается каждымъ семействомъ на время ея очереди, по окончаніи которой дворцы снимаются и хранятся впредь до слѣдующей очереди. Въ различныхъ горо-

обрѣсть тамъ за 15.000 рублей,—герцогомъ можно сдѣлаться за 11.000, маркизомъ за 10.000, графомъ за 7.500, барономъ за 4.500, а простымъ „de“ даже за 2.000 рублей.

Папскіе титулы еще дешевле. „Маркизомъ священной Римской Имперіи“ можно сдѣлаться за какіе нибудь 4000 рублей, а графомъ и за три тысячи.

ОДЕССА
Пушкинская, 20.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Южно-Русское Общество Печатнаго Дѣла.

ТЕЛЕФОНЪ
№ 445.

ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ

ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Пушкинская, № 20.

Пріемъ всевозможныхъ заказовъ, относящихся къ графическимъ искусствамъ.

Въ позолотной мастерской исполняются роскошные переплеты и папки для адресовъ.

Исполненіе скорое и изящное.

Цѣны умеренныя.

Книжные магазины Общества

1) Пушкинская, 20,—2) Дериб., д. Новикова.

Большой выборъ книгъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Произведенія лучшихъ авторовъ для народнаго чтенія.

Учебники и учебныя пособія.

НОВЫЯ КНИГИ:

Сборникъ бывшихъ воспитанниковъ Римельевск. лицей и Новорос. Универс., ч. I. ц. 1 р. 20 к.
„Первый опытъ“, повѣсть С. Ю. Витте, ц. 75 к.
„Наполеонъ I“, Г. Е. Аванасьева, ц. 75 к.
„Южно-Русскіе очерки и портреты“ В. П. Горленко ц. 1 р.
„Опредѣленіе пола потомства“ проф. Л. Шенка, ц. 50 к.
„О самоотравленіи и самозараженіи“ Д-ра В. М. Шапошникова, ц. 30 к.
Полное собраніе сочиненій **БѢЛИНСКАГО**, ц. 5 р.

Собственныя изданія Общества

(Главный складъ: гор. Одесса, Пушкинская, 20).

В. Н. Жука (автора книги: **РЕБЕНОКЪ** цѣна 1 руб. въ папкѣ 1 р. 20 к. Мать и Дитя) въ перепл. 1 р. 50 к.

„Библіотека Общественныхъ Знаній“ (18 выпуск.).
„Народная Библіотека В. Н. Марануева“ (12 вып.).
„Дѣтская Библіотека Н. Г. Вучетича“ (6 выпуск.).
„Грамматика древняго церковно-славянскаго языка“, сравнительно съ русскимъ, А. П. Флорова. Удостоена большою преміей Императора Петра Великаго и рекомендована Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія. ц. 50 к.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ:

Краткія біографіи русскихъ писателей П. Борзакорскаго, ц. 50 к.
О Лиманотерапіи, д-ра В. В. Филиповича, ц. 1 р.
Повторительный курсъ ботаники, проф. Гавзена, перев. М. Д. Вахтеля, ц. 1 р. 50 к.
Вани и Ванны, В. И. Зуева, съ 65 рис. и черт., ц. 2 р.
ПЕЧАТАЕТСЯ 2-е ИЗДАНІЕ КНИГИ ДАУДЕНА О ШЕКСПИРѢ, ПЕР. Л. Д. ЧЕРНОВОЙ.

Склады всѣхъ сортовъ бумагъ для Типо-Литографій, Канцелярскія и Конторскія Принадлежности.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Дозволено цензурою. Одесса, 23-го мая 1898 г.

Редакторъ Е. В. Васковский.

Тип. Высочайше утвержд. Южно-Русск. О-ва Печати. Дѣла (Пушкинская ул., № 20).